

Назначение уголовного наказания компьютерной программой: правовая инновация или деградация?¹

В. Ф. ЛАПШИН

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>, e-mail: kapitan-44@yandex.ru

Реферат. Настоящая работа посвящена рассмотрению вопроса о возможности введения в действующую систему правосудия различных математических алгоритмов и компьютерных программ, средствами которых определялись бы виды наказаний по конкретным уголовным делам, а также их предельные сроки или размеры. Данная проблема была предметом обсуждения на заседании Санкт-Петербургского международного криминологического клуба 15 февраля 2019 г. по теме «Преступление и проблемы адекватного наказания».

В целом исследование представляет собой критический анализ научных и практических доводов, которые приводят сторонники введения электронной системы определения наказания, наиболее соответствующего общественной опасности совершенного деяния и личности преступника. По результатам изучения представленных по этому поводу суждений делаются выводы о несостоятельности и (или) явной преувеличенности возможностей электронных средств назначения наказания в сравнении с интеллектуально-чувственными возможностями человека. Особое внимание обращается на тот факт, что в современных представлениях человечества отсутствуют общепризнанные критерии справедливости, соразмерности, милосердия и др., не поддающиеся автоматическому цифровому определению, а устанавливаемые благодаря исключительно чувственному восприятию человеком в процессе осуществления интеллектуальной деятельности.

В завершение работы приводится аргументация и формулируется вывод о возможности назначения уголовного наказания только человеком, без участия в этом процессе компьютерных программ и иных высокотехнологичных средств электронной обработки информации. Только основанное на положениях уголовного закона восприятие человеком (судьей) действительной общественной опасности совершенного преступления и личности преступника может обеспечить высокую степень справедливости и гуманизма назначаемого и исполняемого наказания в каждом конкретном случае.

Ключевые слова: назначение уголовного наказания; определение меры уголовно-правового воздействия; цифровые средства определения уголовного наказания; инновации в уголовном и уголовно-процессуальном праве; «Электронные весы правосудия».

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Для цитирования: Лапшин В. Ф. Назначение уголовного наказания компьютерной программой: правовая инновация или деградация? *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):192–198. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-192-198.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Ямало-Ненецкого автономного округа в рамках научного проекта № 19-49-890002 (The reported study was funded by RFBR and Yamal-Nenets Autonomous Okrug, project number 19-49-890002) «Пределы гуманизации наказаний в условиях пенитенциарных учреждений Севера (Арктики): период Новой и Новейшей истории».

Assignment of criminal punishment by a computer program: legal innovation or degradation?¹

V. F. LAPSHIN

the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation
the Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>, e-mail: kapitan-44@yandex.ru

Abstract. The present work is devoted to the consideration of the possibility of introducing various mathematical algorithms and computer programs into the current justice system that would determine the types of sentences in specific criminal cases as well as their terms or length. This problem was discussed at a meeting of the St. Petersburg International Criminological Club on February 15, 2019 on the topic: "Crime and the problems of adequate punishment".

In general the study is a critical analysis of the scientific and practical component of the arguments brought forward supporters of the introduction of an electronic system for assignment sentences, the most relevant of the committed act to public danger and the identity of the offender. Based on the results of the study of the judgments presented on this subject, conclusions are drawn about the insolvency and (or) apparent exaggeration of the possibilities of electronic means of sentencing in comparison with the intellectually-sensual capabilities of a person. Particular attention is drawn to the fact that in modern representations of mankind there are no universally recognized criteria of fairness, proportionality, mercy, etc. that are not amenable to automatic digital determination, but are established due to exclusively sensory perception by a person in the process of carrying out intellectual activity.

At the end of the work an argument is given and a conclusion is formulated about the possibility of assignment criminal punishment only by a person, without participation in this process of computer programs and other high-tech means of electronic information processing. Only the perception by the person (judge) of the real social danger of the crime committed and the identity of the offender based on the provisions of the criminal law can ensure a high degree of justice and humanism of the punishment imposed and executed in each case.

Key words: criminal punishment assignment; definition of a measure of criminal legal influence; digital means of determining criminal penalties; innovations in criminal and criminal procedure law; "Electronic scales of justice."

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

For citation: Lapshin V. F. Assignment of criminal punishment by a computer program: legal innovation or degradation? *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):192–198. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-192-198.

Современные общественные отношения характеризуются широким применением электронных средств обработки информации. С учетом интенсивного развития компьютерных технологий они уже демонстрируют готовность к выполнению сложных функций, предполагающих комплексное решение как технических, так и творческих задач. Технологии, получившие обобщенное название «искусственный интеллект», в настоящее время успешно применяются в различных сферах жизни человека: от распознавания лиц на экране смартфона до создания «с нуля» художественных и музы-

кальных произведений [2]. Учитывая данные обстоятельства, в юридической науке все чаще высказываются суждения о необходимости применения высокотехнологичных средств в уголовном судопроизводстве, в том числе для определения уголовного наказания и иных форм уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние.

Думается, что за последние несколько лет наиболее представительной дискуссионной площадкой по обсуждению возможностей применения цифровых технологий в уголовно-процессуальной деятельности

¹ The reported study was funded by RFBR and Yamal-Nenets Autonomous Okrug, project number 19-49-890002 «The limits of humanization of punishments in the conditions of the penal institutions of the North (Arctic): the period of the New and Contemporary History».

стало международное научное мероприятие, проведенное 15 февраля 2019 г. Санкт-Петербургским международным криминологическим клубом по теме «Преступление и проблемы адекватного наказания». Оно было организовано в формате международной беседы, предполагающей выступление основного докладчика с последующим коллективным обсуждением заявленных им проблемных вопросов и перспектив их решения как в гуманитарной науке, так и в области практической деятельности [6].

Основной доклад был представлен директором Центра правовых исследований (г. Баку) профессором Х. Д. Аликперовым по теме «Электронные весы правосудия». Ключевые тезисы доклада сводились к следующим утверждениям:

– современное правосудие на постсоветском пространстве характеризуется чрезмерным обвинительным уклоном и «расточительным применением уголовной репрессии». Подобную «расточительность» автор усмотрел в мизерном количестве выносимых оправдательных приговоров и чрезмерности случаев назначения наказания в виде лишения свободы на определенный срок. В качестве примера положительного опыта реализации правосудия по уголовным делам приведен опыт отдельных стран Западной Европы, в которых указанное наказание применяется в 8–15 % случаев вынесения обвинительных приговоров;

– действующий УК РФ определяет весьма широкие возможности для судебного усмотрения при принятии решения по уголовному делу, прежде всего при выборе вида уголовного наказания, его размера или срока. В дополнение к этому Х. Д. Аликперовым было обращено внимание на объективно низкое качество положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства в совокупности с «систематическим извращением со стороны правоприменительных органов *духа и буквы закона* (курсив мой. – В. Л.)». К сожалению, докладчик не конкретизировал содержание объекта и средств указанного негативного воздействия.

По мнению Х. Д. Аликперова, обозначенные проблемы приобрели хронический характер, в связи с чем в современном обществе возникла потребность пересмотра «философии современного уголовного судопроизводства». Это указывает на необходимость поиска оптимальных мер, реализация которых «превратит суды в храмы правосудия, в которых замолкает голос неправды и звучит лишь глас права». В каче-

стве такого средства была предложена разработанная ученым программа для ЭВМ «Электронная система определения оптимальной меры наказания», обозначенная в докладе как «Электронные весы правосудия». В настоящее время данная программа зарегистрирована Федеральной службой по интеллектуальной собственности России (рег. № 2019615955 от 15.05.2019; автор и правообладатель Х. Д. Аликперов).

Многие участники научной дискуссии в процессе обсуждения доклада в целом выразили одобрение идеи Х. Д. Аликперова о необходимости введения подобной электронной инновации в процесс назначения уголовного наказания. В частности, Д. А. Шестаковым обращено внимание на перспективную возможность существенного облегчения умственной работы судьи и оказания ему информационной помощи при принятии решения в процессе индивидуализации уголовной ответственности [6]. Профессор Г. Н. Горшенков оценил предлагаемое цифровое уголовно-правовое нововведение как совершенно новую гуманистическую технологию превентивного воздействия уголовного наказания [4, с. 16].

Новые возможности для эффективной борьбы с судебским произволом и коррупцией в сфере уголовного судопроизводства увидел Ю. В. Голик. По его мнению, внедрение предлагаемой программы в процесс назначения уголовного наказания повысит доверие населения к судебной системе, а также обеспечит упрощение и ускорение сроков проверки законности и обоснованности вынесенных решений вышестоящими судами. В конечном счете указанная инновация будет способствовать укреплению законности и правопорядка в стране [6].

Аналогичные суждения были высказаны Я. И. Гилинским, который полагает, что внедрению в практическую деятельность программы «Электронные весы правосудия» будут активно противодействовать в первую очередь представители судебного корпуса, принимающие спорные решения в силу отсутствия должной степени профессионализма либо коррумпированности. Однако решение многих социальных проблем в перспективе будет обеспечено цифровыми средствами, неизбежность внедрения которых под сомнение не ставится [3, с. 20].

В ходе беседы были высказаны и иные более сдержанные мнения относительно повсеместного применения в судебной практике предлагаемой программы (А. В. Никуленко, А. П. Данилов, Н. А. Край-

нова, Ю. И. Дук и др.). Однако участники беседы отказались от категоричного отрицания возможности внедрения электронных средств принятия или влияния на принятие итоговых решений по уголовным делам [6].

Независимо от конечного положительно-го или отрицательного решения о внедрении «Электронных весов правосудия» в практическую сферу юриспруденции следует признать несомненную заслугу Х. Д. Аликперова в том, что им проделана серьезная научно-исследовательская работа, результат которой готов для внедрения в деятельность органов судебной власти. Количество подобных предложений с течением времени будет только увеличиваться, потому перед научным юридическим сообществом поставлен принципиальный вопрос о допустимости в целом или о пределах возможной допустимости участия неодушевленных средств материального или виртуального мира в отправлении правосудия.

Прежде чем высказать собственное мнение относительно применения компьютерных программ в решении вопросов о виде и размере (сроке) наказания, которое следует назначить по конкретному уголовному делу, считаем обязательным осуществить анализ представленных Х. Д. Аликперовым аргументов о переосмыслении «философии современного уголовного судопроизводства». Так, нельзя не согласиться с выводом ученого о значительном количественном превосходстве обвинительных приговоров над оправдательными. При этом подобная судебная практика имеет место на территории всего постсоветского пространства. Но можно ли рассматривать данный факт в качестве свидетельства или некомпетентности, или необъективности, или жестокости, и (или) иных негативных личностных характеристик тех лиц, которые уполномочены принимать решение об избрании для подсудимого индивидуальной меры уголовной ответственности?

Полагаем, что причина непопулярности оправдательного приговора в современном правосудии носит системный, а не индивидуальный характер. Убедиться в этом достаточно легко, если учесть существующие ведомственные правила оценки эффективности деятельности органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры, то есть компетентных органов государственной власти, обеспечивающих направление уголовных дел в суд.

Вынесение судом оправдательного приговора с точки зрения уголовно-процессу-

ального законодательства является одним из возможных легитимных (а потому естественных, разумных) решений по уголовному делу: уголовно-правовой спор между гражданином и государством закончился победой первого, что вполне укладывается в содержание закрепленного ст. 15 УПК РФ принципа состязательности сторон. Однако вынесение оправдательного приговора и формирование статистических показателей о состоянии преступности крайне негативно влияет на общую оценку качества и эффективности профессиональной деятельности соответствующих правоохранительных ведомств и входящих в них подразделений. Действия должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование или надзор за законностью решений, принимаемых на стадиях досудебного производства по уголовному делу, определяются, по меньшей мере, как разновидность грубого дисциплинарного правонарушения – «нарушение законности», если они привели к формированию уголовного дела, по которому был вынесен оправдательный приговор.

Вследствие этого дознаватель и следователь, а также прокурор, осуществляющий надзор за законностью производства предварительного расследования, осуществляют все возможные уголовно-процессуальные действия: освобождение от уголовной ответственности, приостановление производства по уголовному делу, выделение материалов уголовного дела в отдельное производство и т. п., с целью недопущения направления в суд уголовного дела, не имеющего серьезных перспектив обвинения. Этими же причинами объясняется и популярность института особого порядка судебного разбирательства (разд. X УПК РФ), реализация которого сводится к фактически безальтернативному вынесению обвинительного приговора. Именно эти причины порождают следствие в виде незначительного количества оправдательных приговоров, а не «карательно-кровожадный» менталитет, якобы присущий большинству представителей судебной системы.

Отдельного внимания заслуживает отрицательная оценка Х. Д. Аликперова факта чрезмерно частого назначения наказания в виде лишения свободы на определенный срок. Подобные заявления, основанные преимущественно на сопоставлении аналогичных показателей деятельности судебных систем отдельных зарубежных государств, воспринимаются, по меньшей мере, как не-

корректные, а потому нуждающиеся в дополнительном обосновании.

Во-первых, в процессе выбора формы реализации уголовной ответственности суд руководствуется законодательно установленными общими началами назначения уголовного наказания (ст. 6, 60 УК РФ). В этой связи выбор наказания в виде лишения свободы не может являться произвольным, а напротив, обосновывается в содержании обвинительного приговора как наиболее приемлемое решение, реализация которого обеспечивает заявленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели.

Во-вторых, суд назначает вид уголовного наказания исходя из общей оценки общественной опасности совершенного преступления, личности преступника и иных юридических и фактических обстоятельств, имеющих значение для дела. К фактическим обстоятельствам можно отнести, к сожалению, имеющие место случаи, когда предусмотренное санкцией нормы уголовного закона наказание в действительности исполнить не представляется возможным. Формальный подход к обозначению в приговоре данного вида наказания приведет к возникновению состояния безнаказанности лица, совершившего преступление. Поэтому суд поставлен в условия необходимости назначения иного реального для исполнения уголовного наказания, но с учетом выполнения требований, предусмотренных ст. 6 и 60 УК РФ.

Наконец, в-третьих, не следует забывать, что преступление представляет собой разновидность правонарушения, посягающего на наиболее важные и значимые общественные отношения, вследствие чего характеризующегося в качестве деяния, обладающего повышенной общественной опасностью. Подобная социальная характеристика преступного деяния предопределяет и первоочередной выбор видов наказаний, сущность которых сводится к лишению или ограничению наиболее важных (конституционных) прав и свобод, в том числе права на свободное передвижение в пространстве, выбора места жительства или пребывания.

Учитывая изложенное, невозможно разделить мнение тех авторов, которые указывают на несовершенство судебной практики, ссылаясь на значительное количество назначений наказания в виде лишения свободы, при этом глубоко не анализируя причины вынесения таких приговоров.

Трудно не признать справедливость указания Х. Д. Аликперова на низкое качество

положений действующего уголовного законодательства, в том числе и относительно неоправданно широких возможностей судьи при осуществлении индивидуализации уголовной ответственности. Это замечание в равной степени относится как к выбору видов назначаемых уголовно-правовых мер государственного принуждения, так и пределов минимальных и максимальных сроков или размеров наказания, предусмотренного санкциями многих уголовно-правовых норм. Но, зная об имеющихся нарушениях правил законодательной техники, допущенных при формулировании отдельных уголовно-правовых норм, было бы логичнее формулировать предложения о системном или частном исправлении соответствующих положений уголовного закона, нежели создавать электронный алгоритм, внедрение которого якобы обеспечит преодоление допущенной законодателем ошибки и гарантирует справедливость назначения уголовного наказания.

К непоследовательности в обозначении Х. Д. Аликперовым истинных причин, которыми вызваны современные проблемы в практике применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, можно прибавить и крайнюю неопределенность формулирования целей внедрения в деятельность органов уголовного правосудия предлагаемой электронной системы, которая высчитывает оптимальную меру уголовного наказания. В этой части можно предположить, что за метафоричными заявлениями о создании «храмов правосудия», «существенной экономии уголовной репрессии» и др. в действительности кроется идея о назначении уголовного наказания, законность и справедливость которого не может быть подвергнута ни малейшему сомнению как сторонами уголовного процесса, так и третьими лицами (правда, автор все же делает оговорку о возможных апелляционных жалобах и протестах на вердикты судов, что не исключает недовольство кого-либо из участников уголовного процесса итоговым решением относительно наказания, назначенного с помощью цифрового продукта). Средством же достижения данной цели является включение в процесс принятия решения по уголовному делу компьютерной программы, которая в отличие от судьи лишена всех человеческих пороков, а потому гарантированно предложит самый объективный и справедливый вариант реализации уголовной ответственности в отношении подсудимого.

Полагаем, что как бы заманчиво ни звучали подобные целевые заявления для любого представителя общества, все же они являются чрезмерно идеалистичными, а потому и недостижимыми даже при помощи сверхсовременных средств обработки информации и электронного генерирования возможных вариантов решений. Косвенно это предположение подтверждает и сам автор программы «Электронные весы правосудия», описывая результаты ее апробации: исходным материалом стали «более ста различных обвинительных приговоров, вступивших в законную силу». В результате эмпирического исследования установлено, что «предложенная электронная система в состоянии успешно справиться с выбором справедливого наказания, причем с вероятностью, как минимум, 97–99 %» [6].

Процитированные тезисы свидетельствуют, что, во-первых, не существует эталона справедливости судебного решения, а предлагаемая (как и любая другая) программа в принципе не может обеспечить его создание. Именно по этой причине за основу для последующего сравнительного анализа работы предложенной электронной системы и были взяты уже принятые людьми судебные решения. Здесь видим явную логическую ошибку в обоснованности аргумента, определяемую как «круг в доказательстве» [1, с. 486]: решение человека не справедливо – решение программы справедливо – справедливость решения программы определяется соответствием решению человека. При этом предложенные цифровыми средствами решения о наказании совпадают с содержанием взятых за основу приговоров, вступивших в законную силу, на 97–99 %. Конечно, разницу в показателях можно отнести к вполне допустимой статистической погрешности, но все же: как оценить справедливость и, соответственно, законность тех приговоров, которые составили эти 1–3 %? Уверены, что приоритет остается за решением человека, а не программы.

Во-вторых, рискнем предположить, что количество взятых для экспериментального исследования обвинительных приговоров, вступивших в законную силу (более ста), недостаточно для формулирования положительных выводов о применении предлагаемого цифрового продукта в сфере уголовного правосудия.

В-третьих, остается открытым вопрос о целесообразности внедрения в деятельность судебных органов программ для ЭВМ, призванных обеспечить определение спра-

ведливого уголовного наказания, если основу предлагаемого алгоритма расчетов по-прежнему будут составлять ранее вынесенные судебные решения, вступившие в законную силу, а также некая средняя математически устанавливаемая пропорция между юридически значимыми обстоятельствами, смягчающими или отягчающими уголовную ответственность. Можно предположить, что в этой части результаты интеллектуальной деятельности человека окажутся обоснованнее и справедливее, чем те, которые будут предложены электронно-вычислительной машиной.

В завершение анализа предложений, сформулированных Х. Д. Аликперовым относительно внедрения программы «Электронные весы правосудия» в деятельность органов российской судебной системы, обратим внимание на тот факт, что принятое судом решение по уголовному делу должно отвечать принципу справедливости (ст. 6 УК РФ) и обеспечивать ее восстановление (ч. 2 ст. 43 УК РФ). За все время существования уголовно-правовая доктрина не смогла сформулировать общепризнанного определения справедливости и критериев ее практической оценки. Споры относительно данной категории не прекращаются (и скорее всего не прекратятся), в связи с чем некоторые авторы небезосновательно заявляют о философском, а не правовом содержании справедливости уголовного наказания [5, с. 340]. Из этого можно заключить, что в обществе имеются весьма абстрактные представления о категории «справедливость», но общего шаблонного понимания ее содержания у людей, включая участников уголовного судопроизводства, не имеется и не может иметься. Вот почему идея о применении электронного средства для определения социальных категорий, не имеющих точных количественных характеристик, сама по себе является утопией.

Справедливость выносимого приговора формируется на основе предписаний уголовного закона в совокупности с чувственными представлениями человека о сострадании, честности, сопереживании, милосердии, пределах возмездия, порядочности и др. Именно поэтому неподверженные переводу в электронный код чувства человека в конечном итоге и способствуют обеспечению *справедливости* назначенного наказания. Эта юридическая презумпция закрепляется в действующем законодательстве. И уголовный, и уголовно-процессуальный закон в качестве основополагающих на-

чал называет преимущество субъективного, то есть чувственного, отношения к оценке поведения участников уголовных правоотношений. В частности, уголовный закон предопределяет недопустимость объективного вменения (ч. 2 ст. 5 УК РФ) при характеристике общественной опасности и противоправности деяния, предусмотренного соответствующей нормой Особенной части. В этом же контексте уголовно-процессуальное право устанавливает принцип свободы оценки доказательств, в основе которой находится внутреннее убеждение властного субъекта уголовного процесса, формируемое как законом, так и собственной совестью (ст. 17 УПК РФ).

Наконец, не следует забывать, что в действительности речь идет не о механическом процессе выбора одного из предложенных санкцией видов наказаний с таким же средневзвешенным установлением его срока или размера, а об определении дальнейшей судьбы человека, признанного виновным в совершении преступления. Нельзя игнорировать тот факт, что принимаемое в

отношении подсудимого решение о назначаемой мере уголовной ответственности во многих случаях непосредственно затрагивает (умалывает) права и законные интересы третьих лиц: членов семьи, иждивенцев, потерпевшего, работодателя и др. Произвести оценку этих и многих иных фактических обстоятельств, которые не предусмотрены законом и не имеют прямого отношения ни к обстоятельствам совершенного преступления, ни к личности виновного, даже самая идеальная программа для ЭВМ не способна.

В этой связи можем заключить, что судить человека может только человек. Любое вмешательство в процесс назначения уголовного наказания, включая внедрение электронных средств сбора и обобщения информации (даже на правах «совещательного голоса»), создает опасность принятия решений, не отвечающих истинному смыслу положений уголовного закона, а также снимает с судьи значительную долю ответственности за законность и справедливость вынесенного приговора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Войшвилло, Е. К.** Логика : учебник для студентов высших учебных заведений / Е. К. Войшвилло, М. Г. Дегтярев. – Москва : ВАЛДОС-ПРЕСС, 2001. – 528 с. ISBN 5-305-00001-7.
2. ВЦИОМ: 70 % россиян не понимают сути искусственного интеллекта. – URL: <https://naked--science.ru/turbopages.org/s/naked-science.ru/article/hi-tech> (дата обращения: 23.05.2020).
3. **Гилинский, Я. И.** «Электронные весы правосудия» – вымысел или реальность? / Я. И. Гилинский // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 1. – С. 18–20.
4. **Горшенков, Г. Н.** О «весах Алиперова» / Г. Н. Горшенков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 1. – С. 16–17.
5. **Наумов, А. В.** Российское уголовное право : курс лекций. В 2 томах. Том 1: Общая часть / А. В. Наумов. – Москва : Юридическая литература, 2004. – 496 с. – ISBN 5-7260-1022-1.
6. Преступление и проблемы адекватного наказания. – URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/3-last-sessions/356-2019-02-26-20-10-22.html> (дата обращения: 23.05.2020).

REFERENCES

1. **Vojshvillo E. K., Degtyarev M. G.** *Logika* [Logics]. Moscow, 2001. 528 p. (In Russ.).
2. **VCIOM: 70 % rossiyan ne ponimayut suti iskusstvennogo intellekta** [Russian Public Opinion Research Center: 70 % of Russians do not understand the essence of artificial intelligence]. Available at: <https://naked--science.ru/turbopages.org/s/naked-science.ru/article/hi-tech> (accessed 23.05.2020). (In Russ.).
3. **Gilinskij YA. I.** «Elektronnye vesy pravosudiya» – vymysel ili real'nost'? [«Electronic scales of justice» – fiction or reality?]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2019, no. 1, pp. 18–20. (In Russ.).
4. **Gorshenkov G. N.** О «vesah Alikperova» [About «Alikperov's Scales»]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2019, no. 1, pp. 16–17. (In Russ.).
5. **Naumov A. V.** *Rossijskoe ugovolnoe pravo. V 2 tomah. Tom 1: Obshchaya chast'* [Russian criminal law. In 2 vol. Vol. 1: General part]. Moscow, 2004. 496 p. (In Russ.).
6. *Prestuplenie i problemy adekvatnogo nakazaniya* [Crime and problems of adequate punishment]. Available at: <https://www.criminologyclub.ru/home/3-last-sessions/356-2019-02-26-20-10-22.html> (accessed 23.05.2020). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН – начальник кафедры уголовного права Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Югорского государственного университета, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация, доктор юридических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>, e-mail: kapitan-44@yandex.ru

VALERY F. LAPSHIN – Head of the Department of Criminal Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russian Federation, Dsc. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>, e-mail: kapitan-44@yandex.ru